

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

**федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение**

высшего образования

**«Новосибирский государственный университет экономики и
управления**

«НИНХ»

(ФГБОУ ВО «НГУЭУ», НГУЭУ)

Кафедра философии и гуманитарных наук

КОНТРОЛЬНАЯ РАБОТА

Дисциплина: Философия

Ф.И.О студента: Ковешникова Анастасия Валерьевна

Направление/специальность: 38.03.01 экономика

Номер варианта контрольной работы: 8

Номер группы: Э01

Номер зачетной книжки: 201418

Новосибирск 2022

Теоретическое задание 8.

1. Назовите наиболее распространенные концепции природы человека? Кто их автор? Изложите их основное содержание?

Исторических примеров того, как понимали природу человека, достаточно.

Паскаль в терзаниях христианского сознания своей греховности видел в человеке одновременно величие и ничтожество. Человек есть все и ничто. Он стоит на зыбкой почве между бесконечностями. Созданный из непримиримых противоречий, он живет в неутешном беспокойстве не как примиренная середина, не как покоящееся среднее. «Что за фантастическое измышление — человек! Что за искаженный образ, какая в нем путаница, какие противоречия; он судит обо всем, ничтожный червь, слава и отбросы универсума... Человек бесконечно превосходит человека... Мы столь несчастны, что имеем представление о счастье. Мы не-сем в себе образ истины и обладаем лишь заблуждением. Мы не способны в действительности ни ничего не знать, ни твердо знать что-либо».

Апостол Павел и Августин понимали невозможность того, чтобы праведный человек был истинно праведным. Но почему же? Если он поступает праведно, он должен знать, что поступает праведно; но это знание уже есть самодовольство, а тем самым и высокомерие. Без саморефлексии нет человеческой праведности, при саморефлексии нет свободной от вины чистой праведности. Пико делла Мирандола, пребывая в восторге от остававшегося еще христианским Возрождения, нарисовал образ человека, исходя из идеи, которую придало ему божество, когда поместило в конце творения человека в мир: Бог сотворил человека по все соединяющему в себе образу своему и сказал ему: Мы не дали тебе ни

определенного места, ни особого наследия. Все другие сотворенные существа мы подчинили определенным законам. Ты один ничем не связан, можешь брать, что хочешь, и быть по своему выбору тем, на что решишься по своей воле. Ты сам по своей воле и к своей чести должен быть собственным мастером и строителем и формировать себя из материала, который тебе подходит. Ты свободен — можешь опуститься на низшую ступень животного мира; но можешь и подняться до высших божественных сфер. Животные обладают от рождения всем тем, чем они когда-либо будут обладать. Лишь в человека Отец заложил семя для любой деятельности и зародыши любого образа жизни.

Бытие человека рассматривается в его потерянности и его величии одновременно, в его брэнности и его возможностях, в загадочности того, что его шансы и задачи вырастают именно из его шаткости. Этот образ человека проходит с отклонениями через всю историю западного мира.

Греки знали, что никого нельзя считать счастливым до его смерти. Человек отдан во власть неведомой судьбы; люди переходящие, как листья в лесу. Забывать о мере возможностей человека — гордыня, и она ведет к глубокому падению. Но греки знали и другое: многое могущественно, но нет ничего могущественнее человека.

Ветхому завету известна та же полярность. В нем говорится о ничтожестве человека:

Дни человека, как трава;

Как цвет полевой, так он цветет.

Пройдет над ним ветер, и нет его,

И место его уже не узнает его (Пс. 102).

И вместе с тем усматривается величие человека:

Не много Ты умалил его пред ангелами;...

Поставил его владыкою над делами рук Твоих.

Все положил под ноги его (Пс. 8).

Поднятый над общим для многих народов образом ничто-жества и величия, человек в Ветхом завете — подобие божества: Бог сотворил человека по образу своему; человек отпал от Бога и содержит в себе то и другое — образ Божий и грех.

Христиане остаются на этом пути. Они настолько твердо знали о границе человека, что видели ее даже в Богочеловеке: Иисус познал в величайшем страдании то, что он сказал на кресте слова-ми псалма: Боже мой, Боже мой, для чего Ты оставил меня? (Пс. 21, 2). Человек не может всецело зависеть от самого себя.

В силу этой непосредственности христиане в своих легендах даже святых считают способными отчаиваться и быть виновными. Петр трижды отрекся от Иисуса, испугавшись помощников палача первосвященника и настойчиво вопрошавшей его служанки. Рембрандт изобразил этих людей на картине, хранящейся в Ле-нинграде, которая некоторое время до войны находилась в Голландии— лицо Петра в момент отречения, незабываемое по вы-ражению основного свойства нашей человеческой природы, угро-жающих ему помощников палача первосвященника, злобно ли-кующую служанку, Иисуса на заднем плане, кротко взирающего на Петра.

2. Назовите основные вопросы, касающиеся проблемы человека, которые решаются средствами науки и представляют существенный интерес для философии?

Два пути показывают нам человека: либо как предмет исследования, либо как свободу.

Предметом исследования человек служит анатомии, физиологии, психологии и социологии. Антропология как исследование рас и конституций изучает физическую телесность человека в целом. Достигнуто серьезное знание, основная черта которого состоит в следующем: каждое познание носит частный характер, в том числе и относительные целостности; знания остаются разбросанными и не образуют единой картины. Поэтому знание о человеке там, где оно ведет к тотальным суждениям о бытии человека, к мнимому знанию в целом, всегда оказывается в тупике.

Философски существенны следующие основные вопросы. Вопрос о различии между человеком и животным. Здесь существуют возможности исследования эмпирического материала, тогда как исследование вопроса о различии между человеком и ангелом может происходить лишь в набросках конструирующей фантазии, которая измеряет человеческую сущность, сопоставляя ее с вымышленными возможностями.

Отправной точкой исследования служат две противоречащие друг другу основные данности опыта. Мы воспринимаем себя как звено в цепи живого, одним из многих. Вопрос о различии между человеком и животным стал неверно поставленным. Определенным и допускающим ответ вопросом может быть только вопрос о различии между человеком и обезьяной, между обезьяной и другими млекопитающими и т. д., но не о различии между человеком и животным.

Вторая данность опыта состоит в следующем: мы видим человеческое тело в его ни с чем не сравнимом выражении. Оно принадлежит самому человеку и обладает тем особым своеобразием

красоты и благородства, по сравнению с которым все живое представляется как бы частным, как бы попавшим в тупик. Мы задаем вопрос об этих неповторимых основных чертах, которые проявляются уже в теле человека, и, сравнивая, противопоставляем его другим живым существам.

3. Назовите наиболее интересные теории человека, претендующие на знание о человеке в целом? Возможно ли целостное знание о человеке и мире, исходя из одного или из нескольких принципов? Если нет, то почему?

Достигнуто серьезное знание, основная черта которого состоит в следующем: каждое познание носит частный характер, в том числе и относительные целостности; знания остаются разбросанными и не образуют единой картины. Поэтому знание о человеке там, где оно ведет к тотальным суждениям о бытии человека, к мнимому знанию в целом, всегда оказывается в тупике.

С вопросом о различии между человеком и животным тесно связан вопрос о происхождении человека, о становлении человека. По-видимому, исследование окажется здесь в таком же положении, как и в вопросе о возникновении жизни вообще. Прогресс знания увеличивает незнание в основных вопросах и указывает на границы, которые наполняются смыслом из иных истоков, чем истоки познания.

Аналогичной проблемой является проблема становления человека. Здесь открыто много важного, большей частью это соображения о возможностях, в отдельных случаях факты. В целом загадка обрела глубину, картина сотен тысячелетий несколько прояснилась, но основа становления человека становилась все более непонятной. Наилучшей игрой мыслей в измышлении невозможности представляется мне гипотеза Дакэ: Человек существовал испокон веку, он жил в многообразных формах

животного мира совершенно иначе, чем, по-видимому, изначально родственные ему морфологически, но отличные по сущности другие виды живот-ных, чем рыбы, чем рептилии и т. д. Человек есть с давних пор подлинная форма жизни, вся-кая другая жизнь — отпадение от нее, и в конечном итоге может оказаться, что не человек произошел от обезьяны, а скорее обезьяна от человека. А теперь нам, быть может, предстоит новый длительный процесс подобного отпадения, возникновение нового вида животных на пути застывшей техники в качестве формы его наличного бытия, и возникнет новый человек, с точки зрения которого эта масса будет выглядеть как новый вид, как только живое, уже не человеческое.

Человек не может быть понят как «развившийся» из живот-ных.

Этому противостоит тезис: Иначе чем посредством такого раз-вития невозможно понять происхождение человека. Поскольку это единственное понятное и все в мире происходит естественным пу-тем, человек должен был возникнуть в ходе такой эволюции.

Мир в целом не может быть понят из одного, нескольких или многих обозримых принципов. Вслед за первой, неверной и тщетной попыткой схватить целое познание расщепляется. Поз-нание находится в мире и не постигает мир.

Мир бездонен. Однако человек находит в себе то, что он не на-ходит нигде в мире,— нечто непознаваемое, недоказуемое, всегда непредметное, нечто ускользающее от всякой исследовательской науки: свободу и то, что с ней связано.

4. Каковы основные следствия абсолютизации аспектов исследования человека?

Каждое знание о человеке, будучи абсолютизировано в мни-мое знание о человеке в целом, ведет к исчезновению его свободы. Так обстоит дело и с теми теориями о человеке, которые глубоко-мысленно предлагаются для ограниченных горизонтов психоанализом, марксизмом, расовой теорией. Они заслоняют самого человека, как только хотят большего, чем исследования аспектов его явления и только их.

Исследование знакомит нас с поразительными, вызывающими наше удивление данными о человеке, но чем большую ясность оно обретает, тем больше мы осознаем, что оно никогда не сможет превратить человека в целом в предмет исследования. Человек всегда больше того, что он о себе знает. Это относится как к человеку вообще, так и к каждому отдельному человеку. Никогда нельзя подвести окончательный итог и полностью понять как человека вообще, так и отдельного человека.

Абсолютизация всегда остающегося частным знания о человеке ведет к небрежности, к искажению образа человека. А искаженность образа человека ведет к искаженности самого человека. Ибо образ человека, который мы считаем истинным, сам становится фактором нашей жизни. Он предreshает характер нашего общения с нами самими и с другими людьми, жизненную настроенность и выбор задач.

5. Основные вопросы собственно философской проблемы человека, по Ясперсу?

Ясперс связывает проблему человека с основной категорией - свободой.

Ясперс пишет о свободе: «Нет никакой свободы вне себя. В предметном мире нет ни места, ни открытия, где это могло бы поместиться».

«Либо человек как объект расследования — либо человек как свобода».

«Свобода не может быть известна, она ни в коем случае не может мыслить объективно».

По словам Ясперса, существование — это то, что такое свобода. В результате своих размышлений Ясперс формулирует вывод: познание — это вопрос науки, свобода — вопрос философии.

Быть человеком, для Ясперса, как и для Хайдеггера, это всегда «быть с другими». Ясперс пишет в этой связи: «Мы представляем себе этот первобытный феномен нашей человеческой сущности таким образом: Мы такие, какие есть только благодаря общности взаимного сознательного понимания. Не может быть человека, который сам по себе является человеком, просто отдельным индивидом».

Ясперс пытается решить вопрос о связи между духом и существованием (свободная душа) на той же основе, на которой с самого начала было основано его учение: на основе общения. Общение между людьми, их связь с подобными, является структурным моментом человеческого существования. Вне общения физическая и духовная свобода человека невозможна. Так что теперь высшая форма общения появляется как способ соединения просветлённого ума и «тёмной души» человека. «Если Дайсейн есть существо, то разум приносит начало понимания, освещения того, что изначально было темным существом.» Общение рассматривается Ясперсом как один из основных моментов существования. «Сравнение человека с животным, — пишет он, — указывает на общение, как на универсальное условие человеческого существования». Она настолько всеобъемлюща, что все, что является

человеческим, и то, что является для человека ... ..это быть найденным в общении...»

Поскольку вне коммуникации не существует, то — в соответствии с идентичностью существования и свободы, о которой говорилось выше, — вне коммуникации не может быть свободы. Вовлечение в коммуникацию — и при этом экзистенциальную коммуникацию — является условием личной свободы.

Ясперс пишет: «Моя собственная свобода может существовать только в том случае, если другая тоже свободна. Изолированная или изолированная идентичность остается простой возможностью или исчезает в небытие».

С точки зрения Ясперса, коммуникация не является тем видом коммуникации, в котором человек играет определенные социальные роли. Экзистенциальная коммуникация раскрывает, что такое сам «актер», играющий различные роли.

Существование, по Ясперсу, не может быть овеществлено, но может «общаться с другим существованием» и общением, возможность общения с другим индивидом, возможность быть понятым, быть услышанным — это критерий, по которому свободу и существование можно отличить от произвола и каприза.

6. В каком смысле автор говорит о «конечности» человека?

Свобода человека неотделима от осознания конечности человека. Наметим вкратце основные черты: конечность человека есть, во-первых, конечность всего живого. Он зависит от окружающего его мира, от питания и показаний его органов чувств; он отдан во власть безжалостного немого и слепого природного процесса; он должен умереть. Конечность человека

есть, во-вторых, его зависимость от других людей и от созданного человеческим сообществом исторического мира. Он не может ничему довериться в этом мире. Земные блага приходят и уходят. В обществе людей господствует не только справедливость, но и власть, которая объявляет свой произвол органом справедливости и поэтому всегда основана на неправде. Государство и народное сообщество могут уничтожить людей, работающих на них всю свою жизнь. Доверять можно лишь верности человека в экзистенциальной коммуникации, но это не поддается расчету. Ибо то, чему в данном случае доверяют, не есть объективное, доказуемое наличное бытие. К тому же самый близкий человек может внезапно заболеть, сойти с ума, умереть. Конечность человека состоит, в-третьих, в познании, в его зависимости от данного ему опыта, прежде всего от созерцания, которое никогда не может обходиться без свидетельств чувств. Мысля, я могу схватить только материал наполняющего мысленную форму созерцания. Человек осознает свою конечность, прилагая к ней масштаб того, что неподвластно конечности, а именно безусловного и бесконечного. Безусловное становится для него действительным в его решении, выполнение которого указывает ему на иное происхождение, отличное от того, которое он познает посредством исследования в своем конечном существовании.

7. Каковы возможные способы прорыва человеческой конечности с точки зрения Ясперса?

Человек осознает свою конечность, прилагая к ней масштаб то-го, что неподвластно конечности, а именно безусловного и беско-нечного.

Безусловное становится для него действительным в его реше-нии, выполнение которого указывает ему на иное происхождение, отличное от того, которое он познает посредством исследования в своем конечном существовании.

Бесконечного касаются, хотя и не схватывают его, прежде все-го в мысли о бесконечности, затем в представлении о существенно отличном от конечного познания человека божественном познании, наконец, в мысли о бессмертии. Непостижимое, но все-таки осознаваемое им бесконечное позволяет человеку выйти за пределы его конечности благодаря тому, что он ее осознает.

Посредством наличия безусловного и бесконечного конечность не остается для человека только неосознанной данностью его наличного бытия; благодаря свету трансценденции она становится для него основной чертой в сознании того, что он создан. Конечность человека, не будучи устранена, прорывается.

Но если он в безусловности своего решения, противостоящего всему конечному миру, уверится вследствие своей независимости в своей бесконечности как в подлинном самобытии, то в этом проявится новый модус его конечности. Эта конечность в качестве экзистенции означает: человек и в качестве самого себя изначально не может быть обязан самому себе. Подобно тому как он обретает свое наличное бытие в мире не по своей воле, он и в качестве самого себя подарен себе трансценденцией. Он должен быть постоянно вновь дарован себе, чтобы не утратить себя. Если человек внутренне утверждает себя в своей судьбе, если он непоколебим даже в смерти, то всего этого достигает не только своими силами. Но то, что ему помогает, - иного рода, чем всякая помощь в мире. Трансцендентная помощь открывает себя ему только в том, что он может быть самим собой. Тем, что он зависит от самого себя, он обязан непостижимой, осязаемой только в его свободе поддержке трансценденции.

8. Возможен ли идеал человека? Если нет, то почему?

Сознавая свою свободу, человек хочет стать тем, чем он может и должен быть. Он рисует идеал своей сущности. Подобно тому как познание в ошибочном завершении превращает человека как предмет исследования в образ, его свобода фиксирует абсолютный идеал своего развития. Человек хочет освободиться от беспомощности в вопросах, от путаницы и войти в сферу всеобщего, которому он может подражать в своих конкретных формах.

Существует множество образов людей, считающихся идеалом, которым мы хотели бы уподобиться. В историческом воздействии подобных идеалов, в реальности общественных типов сомнения быть не может. Идеал может быть поднят до неопределенной высоты, до «величия» человека, которое есть как бы нечто большее, чем человеческое в человеке,— сверхчеловек или нечеловек.

Для нас исчезает человек тогда, когда в расовой теории, психоанализе, марксизме он объявляется понятным или доступным пониманию в целом как предмет исследования, также теряется для нас и задача человеческого бытия в представлениях об идеале человека.

Нечто совершенно иное, чем идеал,— идея. Идеала человека не существует, но существует идея человека. Идеал рушится, идея ведет вперед. Идеалы могут быть как бы схемами идей, путевыми знаками. Такова истина наших великих философских образов — образ благородного человека в Китае, мудреца у стоиков. Они побуждают к развитию, но не дают завершения.

Всякий идеал человека невозможен, потому что человек не может быть завершен. Совершенного человека быть не может.

9. В чем состоит ценность человека? Как Вы это понимаете?

Подлинная ценность человека заключается не в роде или типе, к которому он приближается, а в исторически единичном человеке, который не может быть заменен и замещен. Ценность каждого отдельного человека только тогда будет неприкосновенной, когда конкретных людей перестанут рассматривать как взаи-мозаменяемый материал для формирования по всеобщей мер-ке. Социальный и профессиональный тип, к которому мы прибли-жаемся, мы принимаем только как нашу роль в мире.

10. Что может помешать человеку в его самореализации, по Ясперсу?

Опасность для человека заключается в самоуверенности, будто он уже есть то, чем он мог бы быть. Тогда вера, исходя из которой он находит путь для реализации своей возможности, становится обладанием, завершающим его путь, будь то из высокомерия мо-ральной самоудовлетворенности или из гордости, основанной на врожденных качествах.

От стоического требования — жить так, чтобы человек сам себе нравился, до согласия с собой, которое Кант приписывает нрав-ственно поступающему человеку, господствовало удовлетворен-ное самодовольство, в котором апостол Павел, Августин, да и сам Кант видели проявление характера в корне испорченного человека.

Существенно, чтобы человек и в качестве экзистенции видел в своей свободе дар трансценденции. Тогда свобода человеческого бытия становится ядром всех его возможностей при руководстве им трансценденцией, Единым, благодаря чему он достигает своего собственного единства.

Это руководство коренным образом отличается от любого дру-гого руководства в мире, так как оно не становится объективно од-нозначным;

оно совпадает с полным освобождением человека, ибо осуществляется оно только свободой собственного убеждения. Глас Божий звучит в том, что для единичного человека, открытого традиции и окружающему миру, возникает как собственное убеждение. Глас Божий слышен в свободе самоубеждения, у него нет другого органа, чтобы сообщить о себе человеку. Там, где человек принимает решение, исходя из своей внутренней глубины, он предполагает, что послушен Богу, хотя и не обладает объективной гарантией в знании того, что угодно Богу.

Руководство совершается через суждение человека о его собственной деятельности. Такое суждение останавливает и побуждает к действию, корректирует и утверждает. Но в действительности человек никогда не может в целом и окончательно опираться в суждении о себе только на самого себя. Ему необходимы суждения других людей, чтобы обрести в коммуникации ясность. Однако и суждение значимых для него людей не является в конечном итоге решающим, хотя оно и единственное, что доступно ему в реальности. Решающим было бы суждение Бога.

Следовательно, истина суждения во времени достигается в конечном итоге только посредством самоубеждения, и в том случае, если требование общезначимо, и тогда, когда оно исторически обусловлено.

Серьезность послушания постигаемому в свободе всеобщему этическому велению — десяти заповедям — связана со слушанием трансценденции именно в этой свободе.

Однако, поскольку действия человека не могут быть достаточно полно выведены из общего, руководство Бога более непосредственно слышно в истоках исторически конкретного требования, чем во всеобщем. Но это слушание вызывает еще сомнение в своей достоверности. В нем заключен риск ошибок. Ибо содержание еще остается многозначным;

свобода, которая заключалась бы в ясном и однозначном знании необходимого, никогда не бывает полной. Риск — действительно ли это я сам, в самом ли деле я услышал сказанное из истоков — никогда не исчезает.

11. Как вы понимаете тезис «он действительно знает себя как человек только тогда, когда будучи открыт для бытия в целом, живет внутри мира в присутствии трансценденции. Принимая свое наличное бытие, он все же настойчиво стремится к бытию». Нужно ли человеку трансцендировать и если «да», то зачем?

Имеется в виду то, что человек — сущность которая познает объективный мир, изменяя его через творчество, открываясь ему, принимая его. Человек, это часть большей системы, поэтому, он как часть не может полностью познать всю систему, которая является для него трансценденцией, но в каждом своем действии в жизни он стремится осознать ее, и это толкает его на деятельность на творчество, потому что только так он способен познать мир и себя.

12. Что такое философская вера? Каковы следствия человеческого неверия с точки зрения автора?

Путь мыслящего человека — это жизнь в философствовании. Поэтому философствование присуще человеку как таковому. Человек — единственное существо в мире, которому в его наличном бытии открывается бытие. Он не может выразить себя в наличном бытии как таковом, не может удовлетвориться наслаждением наличным бытием. Он прорывает всю как будто завершенную в мире действительность наличного бытия. Он действительно знает себя как человека только тогда, когда, будучи открыт для бытия в целом, живет внутри мира в присутствии трансценденции. Принимая свое наличное бытие, он все же настойчиво

стремится к бытию. Ибо он не может понять себя в мире просто как результат мирового процесса. Поэтому он преступает пределы своего наличного бытия и мира, достигая их основ, стремясь туда, где он становится уверенным в своих истоках, как бы соучаствуя в творении. Он не защищен в истоках и не достигает цели. Он ищет в своей жизни вечное между истоками и целью.

Неверие приводит человека к тому, что он теряет силы, пребывая в каких-либо условиях жизни среди других, к подчинению познаваемой необходимости и неизбежности, к пессимизму, вызванному приближением конца, слабеющим сознанием. Человек задыхается в мнимом качественно определенном бытии.

Философская вера есть вера человека в свои возможности, в ней дышит его свобода.

Ситуационное задание 8.

Г.В.Лейбниц в своей книге «Новые опыты о человеческом разуме» отмечает, что в душе (сознании) присутствуют истины разума. Эти истины есть «предрасположение, задаток, преформация, которая определяет нашу душу и благодаря которой эти истины могут быть извлечены из нее».

1. В рамках какой философской традиции выполнено это суждение?

Это суждение выполнено в рамках объективного идеализма

2. Кто является основателем этой традиции?

Платон

3. Назовите представителей противоположной традиции и приведите их аргументы.

Традиция противоположная объективному идеализму - субъективный идеализм, основным постулатом которого являются слова главного представителя Дж. Беркли : “существовать - значит быть воспринимаемым”, какая либо объективная реальность, выражаемая этими понятиями, не существует. Субъективные идеалисты считают, что за понятиями нет никакой реальности, т. е. они суть фикции. Но к таким понятиям, которые субъективные идеалисты считали фикциями, относятся основные категории философии - материя, субстанция и т. п. Их рассуждения заключаются в том, что восприятия человека действительно относительно и зависят от его субъективного состояния. Процесс познания - это описание комбинаций ощущений(субъективный идеализм). Все существует только в познании человека. Беркли признает Бога творцом всего сущего. Бог - это духовная субстанция, вездесущий вечный дух, демонстрирующий правила, которые он сам установил и которые мы называем законами природы.

Список источников:

1. Ясперс К. Философская вера// Ясперс К. Смысл и назначение истории.- М., 1991.Лекция 3.- С.442-455.